

Дудковская А. О.

ORCID: 0000-0002-0349-1891

Гродно, Беларусь

E-mail: adudkovskaya21@gmail.com

УДК 821.161.1-31

DOI: 10.26170 / 2306-7462_2022_01_14

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ГРАНИЦ И СЛОМОВ

Аннотация. В статье рассматривается путешествие в повести Н. В. Гоголя «Рим» (1842) и романе Н. А. Лейкина «Наши за границей» (1890) как перемещение в другую цивилизацию. Сопоставительный анализ поведенческих моделей героев позволяет выявить признаки цивилизационного слома, произошедшего в Европе на протяжении полувека, переход от элитарной культуры к массовой, охарактеризовать целевые установки представителей разных культур и причины отсутствия контакта между цивилизациями.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; романы; повести; литературные путешествия; литературные сюжеты; цивилизационные границы; цивилизационный слом; ценностные ориентации; французская повседневность; вечное; элитарная культура; массовая культура.

Dudkovskaya A. O.

Grodno, Belarus

A JOURNEY AS AN APPREHENSION OF CIVILIZATIONAL BORDERS AND OF THE SHATTERING OF CIVILIZATION

Abstract. In the article, the journey in N. V. Gogol's novella "Rome" (1842) and N. A. Leikin's novel "Ours Abroad" (1890) is considered as a transfer to another civilization. A comparative analysis of the behavioral models of the heroes allows us to identify signs of the civilizational breakdown that has occurred in Europe for half a century, the transition from elite culture to mass culture, to characterize the target attitudes of representatives of different cultures and the reasons for the lack of contact between civilizations.

Keywords: Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary genres; novels; stories; literary travels; literary plots; civilizational boundaries; civilizational demolition; value orientations; French everyday life; eternal; elite culture; Mass culture.

Границы между государствами определяет не только их геополитическое положение, но и место в определённом типе цивилизации, поскольку цивилизация, согласно определению А. Тойнби, выступает не как территориальная принадлежность, а как «тип человеческого общества» [Толстых]. Цивилизационные границы «определяются ареалом *беспроblemного понимания <...> базовых смыслов и идеалов*» (курсив наш. – А. Д.), которые отвечают на вопросы «о назначении человека, смысле его жизни», задают «представления о счастье, добродетели и смерти», оформляя, таким образом, ««духовное ядро» цивилизационной общности» [Липкин].

В статье мы обратимся к произведениям о путешествиях, которые предлагаем рассмотреть в аспекте цивилизационных границ. В качестве материала исследования выступят повесть Н. В. Гоголя «Рим» и юмористический роман Н. А. Лейкина «Наши за границей», которые представляют интерес как отражение, во-первых, разных типов цивилизаций, во-вторых, этапов цивилизационного слома, произошедшего в Европе на протяжении XIX века. Объектом исследования станет путешествие героя как приближение к другой цивилизации, предметом – причины отсутствия контакта с ней, а также целевые установки путешественника. Цель исследования – сопоставить восприятие чужой цивилизации в произведениях Н. В. Гоголя и Н. А. Лейкина.

Повесть «с романической интригой» или целый роман с итальянским колоритом под названием «Аннунциата» Н. В. Гоголь задумал в конце 1830-х гг. в результате поездки в Италию. «Если Италия сыграла огромную роль в жизни и творчестве Гоголя, то “Рим” как бы суммирует и обобщает все его впечатления от этой страны» [Гоголь 1938: 708]¹. Работая над повестью, Н. В. Гоголь исходил из характерного для романтизма противопоставления «вечного» «новому», видя в приходе новых ценностей цивилизационный слом: «в русской романтической литературе втор. пол. 20-30-х годов итальянская (в особенности римская) тема всё более проникалась философскими раздумьями о судьбах цивилизации, путях развития человечества, его утратах и обретениях» [Карташова 2005: 279].

Повесть строится на противопоставлении двух цивилизаций – консервативной Италии, которая выступает как воплощение вечных ценностей, и Франции как типа цивилизации, где ценится новое, сегодняшнее, повседневное. Обе страны символически разделены природой: непреодолимые Альпы встали между ними. Тем не менее французская цивилизация начинает свою экспансию на итальянскую традиционность, и «перелетают через Альпы», по выражению повествователя, «живые намеки» об университетской науке, не похожей на местную (221), «заносятся» в Верхнюю Италию «моды», «виньетки» и «водевили» и, конечно, «напряженные произведения необузданной французской музыки» – литература (221). Слышатся в Италии и отзвуки июльской революции, вызывая мечты о том, что она сможет наконец покончить с австрийской оккупацией части страны. Кажется, что медленно, но верно подготавливается та смена «этических идеалов», которая должна привести молодое поколение итальянцев к «беспроblemному пониманию» (А. И. Липкин) новых ценностей и, вследствие этого, к сдвигу цивилизационной границы. Но этого не происходит: граница остаётся неизменной. Причину оглашает повествователь: «Но итальянская природа, любительница покойных наслаждений, не вспыхнула восстанием, над которым не позадумался бы француз; все окончилось только непреодолимым желанием побывать в заальпийской, в настоящей Европе» (221).

Такое путешествие предпринимает герой повести – итальянский князь, представитель нового поколения, который считает себя человеком будущего. Н. В. Гоголь осмысливает архетипическую оппозицию «свое – чужое» как оппозицию «старое – новое»: герой недоволен «старой», даже «устаревшей», родной Италией, он чувствует, находясь

---

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках.

здесь, своё отставание от времени «настоящей Европы» и стремится туда. Перемещение во Францию, одновременно оказывается и перемещением во времени, и попыткой ментального преобразования. Итальянец оказывается в кипящем жизнью Париже и так проникается всем «новым», что вскоре констатирует смерть «старого», смерть Италии: «Италия казалась ему теперь каким-то темным, запlesenным углом Европы, где заглохла всякая жизнь» (226-227).

Кажется, путешествие героя завершится ассимиляцией внутри другой цивилизации, признанием её «своей» и признанием себя человеком «нового» времени, человеком XIX столетия, которое, по словам повествователя, начиналось в «настоящей Европе», в Париже (221): овладев французским языком, герой поначалу легко усваивает «базовые смыслы и идеалы» французской цивилизации. Но спустя четыре года жизни в Париже его восприятие меняется: в противовес французскому языку перед молодым итальянцем «во всем могуществе и полноте» (229) является его родной язык; француженка уступает место идеала женской красоты «альбанке» Аннунциате; соблазнам парижских магазинов герой предпочитает скромные лавки в мирном римском переулке; французское искусство, всецело отдавшееся моде и погоне за новизной, меркнет перед «бессмертными созданиями кисти» и перед «строгим величием» итальянской архитектуры (235). В полученном им французском образовании герой усматривает «желание выказаться, хвастнуть, выставить себя», «дерзкую уверенность» вместо «смирненного сознания собственного неведения», отмечает отсутствие «торжественного, величавого течения всего целого» (228); он видит, что церковь утратила «свое чистое, высокое значение в тех умных землях Европы, где он был» (231). Итогом прозрения и отторжения новой цивилизации стала характеристика французской нации, выступающей метонимическим замещением наступающей новой цивилизации – поддельной и фальшивой: «при всех своих блестящих чертах, при благородных порывах, при рыцарских вспышках вся нация была что-то бледное, несовершенно, легкий водевиль, ею же порожденный. Не почил на ней величественно-степенная идея. Везде намеки на мысли, и нет самых мыслей; везде полустрасти, и нет страстей, все не окончено, все наметано, набросано с быстрой руки; вся нация – блестящая виньетка, а не картина великого мастера» (228-229). Повесть заканчивается показательным возвращением героя в Италию, символизирующим победу «вечного» над «новым»; оппозиция «старое»-«новое» трансформируется в оппозицию «вечное»-«преходящее».

В литературоведении даны разные интерпретации гоголевской концепции разных цивилизаций. Е. В. Изотова объясняет восприятие

писателем Парижа, исходя из проблемы национальной идентичности: «В нем личность теряет свою самостоятельность и национальную принадлежность, что для Гоголя сравнимо с потерей собственного лица, сущности, души» [Изотова 2008: 16-17]; финал повести исследователи связывают с религиозными взглядами Н. В. Гоголя: «Романтическое странствие может обернуться возвращением к Богу, к Благодати, к устоявшейся системе моральных и эстетических ценностей, к путям отцов, к народу или нации» [Вишневская, Сапрыкина 2005: 8]. Е. И. Тулякова, исследуя натурфилософские взгляды писателя, акцентирует его интуитивное представление об обусловленности человеческой ментальности природой, культурой, историей народа: «Сфера природы оказывается у Н. В. Гоголя сферой синтеза, вбирающей в себя особенности истории, искусства, народа, отдельной личности... Человек в этой картине мира рассматривается как органическая часть природы. Он находится в центре природы, искусства и истории. Особенности природы, ее вечная изменчивость и подвижность имеют влияние на “физиогномию” как отдельной личности, так и целого народа, нации» [Тулякова 2006: 15] – «природа» в данном контексте выступает и как «духовное ядро» цивилизации, и как обобщение внутреннего, биологического, и внешнего, культурно обусловленного, своеобразия её представителя.

На наш взгляд, к этим взаимодополняющим объяснениям можно добавить ещё одно: уже в период работы над «Римом» Н. В. Гоголь одним из первых из русских романтиков ощутил то, что можно назвать цивилизационным сломом, угадал приход не «железного века» корысти и приземлённых «промышленных забот» (Е. Боратынский), а иной цивилизации, черты которой провидчески точно описал в повести, связав с новым типом человека – поверхностного, не склонного к глубоким мыслям и чувствам, падкого на развлечения, ценящего постоянную смену впечатлений. У героя повести нет трудностей с адаптацией в другой культуре, его осознанное отторжение Франции как цивилизации будущего обусловлено неприятием иной системы ценных координат, чуждой ему не только ментально, но и мировоззренчески, ибо на смену уходящей в прошлое высокой, элитарной, ориентированной на вечность культуре приходит культура массовая, повседневная.

Справедливость гоголевских опасений подтверждает роман Н. Лейкина «Наши за границей» (1890). В конце XIX века, когда и в Европе, и в европейской части России было налажено железнодорожное сообщение, путешествия приобрели массовый характер. Изменился тип путешественника, его интересы и цели: на смену желанию

познать иностранную действительность, чтобы расширить свой кругозор, пришло желание на эту действительность «поглазеть».

Фабула романа – большое заграничное путешествие супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны через несколько европейских государств в Париж на Всемирную выставку 1889 года. Герои: «молодой купец с женой, купеческое происхождение которого сказывалось в каждой складке, в каждом движении, хотя он и был одет по последней моде» [Лейкин 1899: 1]¹, и его жена, которая в пансионе обучалась по-немецки «комнатным словам» (2), а по-французски и «комнатным», и «уличным» (158), – на протяжении поездки по Европе представляют облик России, русскую цивилизацию.

Как произведение массовой литературы, ориентированное на массового читателя, роман Н. Лейкина сосредоточен на изображении бытовой стороны путешествия, автор не ставит философских проблем. Однако именно сосредоточенность на изображении повседневности в её узнаваемых деталях позволяет увидеть иной тип контакта, точнее невозможность контакта, с другой цивилизацией. Если Н. В. Гоголь видел причину отторжения итальянским князем французской цивилизации в ценностном несовпадении, то Н. Лейкин артикулирует проблему иначе: непреодолимая цивилизационная граница между Россией и Европой / Францией основывается на присущем массовому русскому человеку нежелании учить языки, уверенности в своей национальной (имперской) исключительности и высокомерном отношении к чужой культуре («поедемте-ка посмотрим, что у *них там* такого есть»).

Писатель точно характеризует психологический тип массового человека, подчеркивая склонность Николая Ивановича переносить вину за свою необразованность и незнание языков на иностранцев («Ни одного слова по-русски... А еще, говорят, образованные немцы! Говорят, куда ни плюнь, везде университет или академия наук. Где же тут образование спрашивается?!» (8)); обращая внимание на патологическую подозрительность героев, их страх перед всем незнакомым, готовность видеть в иностранцах врагов (Глафира Семеновна отказывается есть немецкую колбасу, ведь «кто их знает, из чего они свои колбасы делают» (11), и до смерти пугается первой в жизни поездки на лифте, ожидая, что её «вот-вот в темноте за горло схватят» (80)), на нежелание признавать чужие законы («Грабители! Русским ура кричат и с них же семь шкур дерут!» (148)) и агрессивное стремление видеть

---

¹ В дальнейшем ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте в круглых скобках.

в любой ситуации принижение своей значимости (когда они с женой не могут приобрести билет на выставку: «Как не продают? Что мы за обсевки в поле! За что же такое стеснение? Что же это наши деньги хуже, что ли!» (170)). И как апофеоз национальной исключительности, которая превращается в род ксенофобии, звучат откровения о своей поездке коммерции советника Бездоннова: «Да у меня в Москве полная чаша... А я потащился в Париж, чтоб за двадцать франков в день в двух паршивых каморках существовать»; «Самоваров нет, квасу нет, бани нет, о ботвинье и не слышали. Собачья жизнь»; «...не стоило из-за этого семи верст киселя есть ехать. Только то и любопытно, что в поднебесье на Эйфелевой башне мы выпили и закусили, а остальное все видели и в Москве, на нашей Всероссийской выставке» (113-116).

Безусловно, Н. Лейкин видит и других русских – владеющих языками, уважающих чужие порядки, рассматривающих путешествие как возможность «отцивилизовать» (115). Он отмечает, что Глафира Семеновна знает Париж благодаря прочитанным в России французским книгам, главным образом произведениям массовой литературы: супруги едут в карете на выставку, и вдруг Глафира Семеновна начинает «узнавать» места – знакомым ей оказывается и «кафе Риш, в котором граф Клермон познакомился с Клементиной», и Нотр-Дам, и Итальянский бульвар, и Бульвар Капуцинок, и Нотр-Дам-де-Лорет, где «жила в своей мансарде Фаншетта» (164–167). «Как приятно видеть те места, которые знаешь по книгам» (165), – говорит она. Но олитературенное восприятие города не меняет изначально сложившегося у героини негативного отношения к чужой цивилизации, соответственно голоса других, культурных, русских не могут изменить отношение иностранцев к путешественникам из России, которые выделяются из толпы своими привычками (Николай Иванович и Глафира Семеновна едут за границу со своими подушками), поражают своим мотовством и щедрыми чаевыми («О, русские! Я знаю этих русских! Они любят горячиться, но это самый щедрый народ!» (150)). Н. Лейкин, разрабатывая оппозицию «свое»-«чужое», обыгрывает складывающиеся культурные стереотипы и предубеждения, характерные для массового сознания.

Подводя итог, скажем, что произведения Н. Гоголя и Н. Лейкина отражают типы цивилизационных границ, а также свидетельствуют о том цивилизационном сломе, который произошёл в Европе на протяжении XIX века, когда элитарная культура постепенно уступила место культуре массовой.

ЛИТЕРАТУРА

Вишневская Н. А., Сапрыкина Е. Ю. Еще одна вечная метафора в романтическом контексте // Романтизм: вечное странствие. М.: Наука, 2005. С. 7-9.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3. Повести / Н. В. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР, 1938. 728 с.

Изотова Е. В. Образ Франции в творческом сознании Н. В. Гоголя: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Саратов, 2008. 18 с.

Карташова И. В. Путешествие Гоголя в Италию в контексте романтических странствий // Романтизм: вечное странствие. М.: Наука, 2005. С. 275-289.

Лейкин Н. А. Наши за границей: юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1899. 496 с.

Липкин А. И. «Духовное ядро» цивилизационной общности. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL:<https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/works/lipkin/civilization/LipkinPubl01.php> (дата обращения: 27.12.2021).

Толстых В. И. Цивилизация // Новая философская энциклопедия: в 4 т./под ред. В. С. Степина; Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL:<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHb4683b1f9b42034e0488b4> (дата обращения: 27.12.2021).

Тулякова Е. И. Философия природы Н. В. Гоголя и поэтика природоописаний в его прозе: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Томск, 2006. 24 с.

REFERENCES

Vishnevskaya N. A., Saprykina E. Yu. Eshche odna vechnaya metafora v romanticheskom kontekste // Romantizm: vechnoe stranstvie. M.: Nauka, 2005. S. 7-9.

Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t. T. 3. Povesti/N. V. Gogol'. M.: Izd-vo AN SSSR, 1938. 728 s.

Izotova E. V. Obraz Frantsii v tvorcheskome soznanii N. V. Gogo-lya: avtoref. dis. na soisk. uch. stepeni kand. filol. nauk. Saratov, 2008. 18 s.

Kartashova I. V. Puteshestvie Gogolya v Italiyu v kontekste romanticheskikh stranstviy // Romantizm: vechnoe stranstvie. M.: Nauka, 2005. S. 275-289.

Leykin N. A. Nashi za granitsey: yumoristicheskoe opisanie poezd-ki suprugov Nikolaya Ivanovicha i Glafiry Semenovny Ivanovykh v Parizh i obratno. SPb.: Pechatnya S. P. Yakovleva, 1899. 496 s.

Lipkin A. I. «Dukhovnoe yadro» tsivilizatsionnoy obshchnosti. M., 2004. [Elektronnyy resurs]. URL:<https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/works/lipkin/civilization/LipkinPubl01.php> (data obrashcheniya: 27.12.2021).

Tolstykh V. I. Tsivilizatsiya // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t./pod red. V. S. Stepina; Institut filosofii RAN; Natsional'-nyy obshchestvenno-nauchnyy fond. M.: Mysl', 2010. [Elektronnyy re-surs]. URL:<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHb4683b1f9b42034e0488b4> (data obrashcheniya: 27.12.2021).

Tulyakova E. I. Filosofiya prirody N. V. Gogolya i poetika prirodopisaniy v ego proze: avtoref. dis. na soisk. uch. stepeni kand. fi-lol. nauk. Tomsk, 2006. 24 s.

Научный руководитель: Автухович Т. Е. , д.ф.н., проф., проф. кафедры русской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

Данные об авторе

Дудковская Анна Олеговна – студент 2 курса филологического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

E-mail: adudkovskaya21@gmail.com

Author's information

Dudkovskaya Anna Olegovna – a 2nd year Russian Philology student from Yanka Kupala State University of Grodno.

E-mail: adudkovskaya21@gmail.com